

Священник Антоний Афанасьев

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ МИССИОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ В ТРУДАХ В. ШМИДТА

В данной публикации рассматривается процесс постепенного изменения отношения Католической Церкви к религиоведческим исследованиям светских ученых в 1-й половине XX столетия. В этот период появилось множество трудов, в которых церковный взгляд на сущность религии подвергался весьма острой критике. Тогда же наблюдался всё возрастающий интерес к изучению нехристианских народов в среде католических ученых. Среди них особенно выделяется австрийский религиовед священник Вильгельм Шмидт, который предпринял попытку отстоять церковные позиции в сфере религиоведения. При этом он опирался не только на библейские свидетельства, а главным образом на данные активно развивающейся этнологической науки. Ему принадлежит целый ряд инициатив, направленных на реализацию этого замысла. Поначалу Рим с большим недоверием относился к идее В. Шмидта, но впоследствии мы увидим, как сам папа Римский становится в ряды сторонников такого подхода, где светская и церковная наука вступают в плодотворное сотрудничество. Важно отметить, что, будучи католическим священнослужителем, В. Шмидт сумел сохранить статус объективного исследователя религиозных феноменов.

Ключевые слова: этнология, миссионерство, католичество, религиоведение, Вильгельм Шмидт, Пий XI, «Антропос», модернизм, монотеизм, эволюционизм.

Венский ученый и католический священник Вильгельм Шмидт (1868–1954) ставил перед собой цель построить апологию христианского взгляда на происхождение религии, опираясь на этнологию. Всю свою жизнь он осуществлял поиск этнографических и лингвистических доказательств, при помощи которых можно обосновать теорию, согласно которой всё человечество произошло из одной культуры, и религия — изначально была монотеистической. В религиоведении того времени широкое распространение получили различные эволюционные гипотезы о происхождении религии. Шмидт хорошо понимал, что традиционные богословские и библейские контраргументы были уже не в состоянии защитить христианские истины и ценности. Этнографы отправлялись в туземные племена и собирали данные об их культурах. На представителей таких племен смотрели как на людей, которые и физически, и умственно были ближе всего к древне-историческому состоянию развития. В. Шмидт полагал, что с наибольшей вероятностью можно именно у этих людей выявить следы первобытной культуры и религии. Чтобы последовательно осуществлять эту задачу, он в 1906 г. создал журнал «Антропос», публиковал множество статей, организовал со своими коллегами «Недели религиозной этнологии» в Лёвене (1912). После завершения первой сессии этих недель в итоговом отчете было принято решение «проводить курс введения в науку о религии каждые два года» [Schmidt, 1919/1920, 492]. Шмидт отправлял своих коллег в научные экспедиции для сбора большого объема этнографических материалов. Все эти инициативы имели своей целью показать, что такие «первобытные» люди, как бушмены, пигмеи, американские индейцы, веровали самым очевидным образом в верховное существо и что они обладали вполне развитыми умственными способностями для восприятия божественного откровения

Священник Антоний Михайлович Афанасьев — магистр богословия, аспирант Санкт-Петербургской духовной академии (aanton10b@mail.ru).

и могли придерживаться соответствующих нравственных устоев. Результаты своих исследований В. Шмидт постепенно публиковал в двенадцати томах «Происхождение идеи Бога» (*Ursprung der Gottesidee*, 1912–1954), где «собрано огромное количество данных для подтверждения теории, согласно которой верховное существо занимает столь высокое положение (по сравнению с духами и другими существами религиозного характера) в религии первобытных охотников и собирателей, что эта религия может считаться монотеистической» [Calvo, 2013, 236].

Для уяснения того, какие мероприятия проводил В. Шмидт для подготовки этнологов-миссионеров, приведем данные об одной инициативе, проведенной им в жизнь. Выдающийся миссионер и ученый, который занимался изучением африканских первобытных культур и был знаком со Шмидтом, католический архиепископ Александр Леруа (1854–1938) отмечал, что «миссионерам очень часто не хватает научной подготовки, критического духа, навыка исследовательской и интеллектуальной работы, времени, денег, необходимого воодушевления» [Cinnamon, 2012, 109]. Учитывая всё это, В. Шмидт желал обучить ряд католических исследователей, которые впоследствии могли бы старательно фиксировать, а затем объективно интерпретировать полученные материалы. И с этой целью в 1912 г. в Лёвене были организованы летние курсы под названием «Недели религиозной этнологии». Курсы были ориентированы, помимо прочего, на выявление особенностей изучения нехристианских религий первобытных племен. В открытии курсов поддержку В. Шмидту оказывал кардинал Дезирэ Мерсье¹, основатель Высшего института философии в Лёвенском университете. Помогали также и французские иезуиты Фредерик Бувьё и Леонс де Гранмэзон. Все они были специалистами в области религиоведения. На курсы приглашались все студенты и миссионеры, но всё же направлены они были всегда к католическим ученым, в числе которых желали найти будущих профессоров этнологии и религиоведения.

Кроме того, в своих попытках создать католическую этнологию В. Шмидт старался получить поддержку Римского Престола. Для этого он обратился к официальному представителю интересов «Общества Слова Божия» (*Societas Verbi Divini*) в Римской курии Карлу Фридриху. Исследователь Ванденберг сообщает интересную подробность этого предприятия. 5 января 1911 г. К. Фридрих побеседовал с Луиджи Джамбене, профессором еврейского и греческого языков в Коллегии конгрегации *Propaganda Fide*. Фридрих считал его одним из самых прогрессивных членов этой конгрегации в то время. Более того, Джамбене регулярно читал научный журнал «Антропос» и хорошо отзывался о нем. В. Шмидт предлагал проект, согласно которому Католическая Церковь возьмет руководство над католическим этнологическим направлением исследований. И хотя Джамбене благосклонно относился к этой идее, он сразу же заверил Шмидта, что глубоко сомневается в осуществимости этой затеи и в том, что она найдет поддержку среди руководителей конгрегации *Propaganda Fide*. Он привел в пример скончавшегося незадолго до этого генерал-секретаря Луиджи Веккья (1899–1911), «который смеялся при виде этнографических предметов, охарактеризованных как „первобытные“. Веккья говорил, что всё это можно сжечь, указывая, что эти поврежденные вещи ни на что не годятся» [Vandenberghe, 2006, 22]. Попытка убедить кардинала-префекта Антонио Готти, по мнению Джамбене, также была обречена на провал, так как он считал Готти весьма хорошим администратором, но всё же не ученым, способным на реализацию столь масштабного предприятия. Действительно, ему самому стоило больших трудов убедить кардинала включить в академическую программу университета такие светские курсы, как физика и мировая история. Ознакомившись со всеми негативными отзывами, предоставленными ему коллегой, Шмидт решил временно отложить реализацию этого проекта.

¹ Дезирэ Мерсье (*Désiré Mercier*) в 27 лет стал профессором философии в семинарии де Малинес в Бельгии. Он был приверженцем неомистической философии, но был также убежден, что мысли Фомы Аквинского должны быть адаптированы к методам и результатам современной науки. Это желание модернизировать наследие выдающихся ученых прошлого привлекало В. Шмидта, он всегда искал коллег, которые не скованы излишним консерватизмом.

Из этой небольшой справки видно, в каких непростых условиях приходилось разворачивать свою деятельность В. Шмидту и его помощникам. С одной стороны, представители эволюционного направления скептически смотрели на их исследование, с другой, они никак не могли получить поддержки авторитетного покровителя, такого как Католическая Церковь. Действительно, необходимо учитывать, что в католичестве в начале двадцатого столетия царил модернистский кризис. Можно вспомнить меры папы Пия X, такие как антимодернистский декрет *Lamentabili sane exitu* (июль 1907), за которым почти сразу последовала энциклика *Pascendi dominici gregis* (сентябрь 1907), где была решительно ограничена деятельность таких католических ученых, как Альфред Луази, Георг Тюррель и Эдуард Ле Руа. Все эти ученые пытались осуществить новые толкования библейских текстов и пересмотреть церковную догматику в свете недавно совершенных открытий в области истории, археологии и геологии.

Исследователь Ванденберг отмечает, что «из переписки В. Шмидта и К. Фридриха видно, что, с одной стороны, они сами были антимодернистами, но, с другой стороны, они были согласны в том, что Курия и папа не проводили особого различия между „модернизмом“ (*moderniste*) и „современностью“ (*modern*). По их мнению, Рим не понимал, что современные науки сами по себе не представляют никакой угрозы. Напротив, Риму нужно было поддерживать эти науки и рассматривать их как новые орудия, эффективные для противодействия модернистскому мышлению и атеизму» [Vandenberghe, 2006, 23–24]. Осуществляя антимодернистскую политику, Католическая Церковь лишалась возможности приобрести авторитет в научной среде. И хотя В. Шмидт и его коллеги были не согласны с существующей тенденцией, однако они не осмеливались говорить об этом публично. И поступали весьма разумно. Ведь совсем недавно, в 1875 г., основанное «Общество Слова Божия» до 1905 г. не было утверждено Римом, и оно легко могло бы попасть в немилость Ватикана. В. Шмидт любой ценой пытался избежать потери своего научного авторитета. Именно поэтому он решил не предпринимать попыток сблизиться с миссиологией, о чем пойдет речь ниже.

Ванденберг приводит еще один интересный факт из биографии Вильгельма Шмидта, который помогает лучше рассмотреть его попытки стать в ряды «объективной» науки. В 1910 г. в Германии, в католической среде Мюнстерского университета на факультете теологии была учреждена новая дисциплина — миссиология, или миссионерская наука. Её основателем был историк в священном сане Йозеф Шмидлин (1894–1944). Уже перед началом Первой мировой войны эта новая дисциплина предпринимала попытки сблизиться с журналом «Антропос». Интересно, что имена Шмидлина и Роберта Штрайта (1875–1930) фигурируют в списке участников первой сессии «Недель религиозной этнологии» в Лёвене. Через несколько месяцев после окончания летних курсов Шмидлин просил В. Шмидта стать профессором антропологии в Институте миссиологии, который он планировал учредить на факультете теологии в Мюнстере. Однако Шмидт отверг это предложение, так как понимал, что должность на богословском факультете повредит репутации его научной «объективности» в секулярном научном сообществе. «Шмидт всё делал для того, чтобы на него смотрели как на „чистого“ этнолога, а не этнолога с „миссионерской“ подоплекой» [Vandenberghe, 2015, 155]. Хотя упреков в «необъективности» ему всё равно было не избежать из-за своего священного сана. Впрочем, он просто не хотел лишиться раз акцентировать внимание на своей связи с церковными структурами. По его собственному выражению, он, будучи католическим священником, «был уже достаточно чутким» в своем поведении в мире академической антропологии, где преобладали протестанты и атеисты, которые регулярно упрекали его в «догматической узости взглядов». Следует упомянуть, что подобное разграничение между наукой и пастырской деятельностью проводил не один только В. Шмидт. Исследователь К. Дюжардэн отмечает в отношении таких выдающихся миссионеров-этнографов, как А. Жюно, Ленхардт, Ф. Опье и других, что, «несмотря на то, что их научная карьера сама по себе

несет отпечаток взаимодействия между миссионерством и наукой, всё же большинство из них проводили ряд границ между своей пастырской и научной деятельностью» [Dujardin, 2015, 34].

Забота исследователей в священном сане из «Антропос-Института» (основан в 1931 г.) о своей репутации и научном авторитете выражалась даже в деталях. Например, они спрашивали у руководителей своих конгрегаций разрешения на ношение светской одежды вместо церковной в тех случаях, когда они читают лекции по антропологии на факультете философии в Венском университете. Внешне они хотели выглядеть так же, как и их коллеги-профессора на факультете. Это различие между «религиозным» и «научным» было встречено их руководителями не без раздражения, и конечно же, этим отцам было сделано напоминание, что они прежде всего принадлежат к своей миссионерской конгрегации. Однако представляется, что в той ситуации было бы более уместно проповедовать свои научные воззрения не одеждой, а словом. В другом случае выдающийся миссионер и этнолог из «Антропоса» Пауль Шебеста (1887–1967) получил от руководства отказ, изъявив желание совершить путешествие в Новую Гвинею по чисто этнологическим мотивам. Его начальники возразили ему и напомнили, что, согласно их воззрениям, он должен действовать в первую очередь как член миссионерской экспедиции. Или, например, мы видим, как Вильгельм Гиер (1867–1951), третий руководитель конгрегации «Общество Слова Божия», сожалеет о том, что антропологический труд М. Гусинде (1886–1969) из «Антропос-Института», где повествуется о жителях Огненной Земли, не содержит никаких упоминаний о миссионерской деятельности. Интересно процитировать этот небольшой отзыв Гиера (Lettre de Gier à Gusinde. Steyl, 18 juin 1931): «Нас несколько удивляет, что духовный статус повествователя, а также его устремление к Господу Богу, интерес к Католической Церкви и к вечному спасению души, вообще священнический и апостольский дух, насколько мы это могли увидеть, нигде напрямую не выражен, как это, например, делается в работах В. Шмидта и у других ученых в священном сане в соответствующих ситуациях, а именно — свободно и от полноты сердца. Это импонирует и другу, и недругу. Ведь то, чем исполнено сердце, того невозможно удержать внутри таким образом, чтобы в столь объемном труде то там, то здесь стихийно не проявлялось бы это внутреннее содержание, хотя бы в предисловии или в заключении. Однако я не хотел бы делать вам никаких упреков за этот недостаток, так как вы, вероятно, должны заботиться и принимать во внимание читательскую аудиторию, менталитет которой мне незнаком. Вам следует заботиться, чтобы на работу не упало и тени недостатка в научной объективности» [Vandenberghe, 2006, 25–26]. Из этого отзыва на труд Гусинде, особенно из его концовки, видно, что и руководство мало-помалу начинало осознавать необходимость различия между сферами научных изысканий и миссионерства. Однако речь не идет о строгом разграничении. Здесь, скорее, необходимо придерживаться чувства меры и понимать уместность тех или иных высказываний. Довольно часто ученому целесообразно объявлять о своих религиозных воззрениях после того, как он изложил свои соображения, не затрагивающие напрямую его собственного мировоззрения.

Действительно, возникла тенденция автономизации практической этнологии от миссионерской деятельности. Она была вызвана всё большей секуляризацией общества, однако осуществлялась не в угоду секулярному сознанию, но чтобы не отпугивать колеблющихся.

В эпоху понтификата Пия X позиция Рима по отношению к исследованиям В. Шмидта характеризовалась главным образом безразличием и даже подозрительностью, но уже спустя десятилетие ситуация полностью изменилась. Отныне Ватикан становится одним из спонсоров и идеологических вождей проектов Венской школы этнологии. Вмешательство Римского Престола имело решающее влияние для взаимного сближения миссионерства и этнологии.

После Пия X папой стал Бенедикт XV, и антимодернистские настроения несколько смягчились. Однако наиболее серьезные перемены начались с восшествия на папский

престол Пия XI в 1922 г. С тех пор Рим стал занимать более открытую позицию по отношению к современности и науке. Теперь Католическая Церковь претендует на то, чтобы принимать активное участие в жизни современного мира в целом, и в научной сфере в частности. И если в первое десятилетие XX в. просьбы В. Шмидта о помощи со стороны Рима оставались без ответа, то теперь, в 1923 г., сам папа инициировал встречу с венским этнологом. «По всей вероятности, папу Пия XI ввел в курс этнологических исследований В. Шмидта Франческо Маркетти, новый генерал-секретарь «Общества евангелизации народов (Propaganda Fide)» [Vandenberghе, 2006, 27]. Перед своим переездом в Рим Маркетти был апостольским нунцием в Вене. Детали разговора В. Шмидта и папы неизвестны, однако о его содержании хорошо повествуют последовавшие сразу после этого события: папа Пий XI дал свое благословение не только на все виды деятельности В. Шмидта, но и оказал финансовую помощь журналу «Антропос», который в тот период переживал трудные времена. Более того, папа оплатил две этнологические экспедиции, предпринятые учениками В. Шмидта, одну — к пигмеям-семанг на остров Малакка, другую — к пигмеям на Филиппины. Представители Венской школы уже давно стремились более подробно разузнать, имелось ли в религиозных воззрениях у пигмеев, считавшихся в те времена наиболее древними племенами, понятие о «верховном существе».

Такую перемену в отношениях можно объяснить общим стремлением папы Пия XI примирить Церковь и религию с современным обществом. И ситуация стала решительным образом меняться. Можно даже проследить влияние этнологии на миссионерскую деятельность Католической Церкви. Наглядным подтверждением этого явления может служить открытая в Риме в 1925 г. выставка, которая получила название «Миссионерско-этнологическая экспозиция». Именно в этой ситуации и происходит встреча Римской Церкви и Венской этнологической школы. По верному замечанию В. В. Барашкова, «важным фактором привлечения внимания общественности к научному изучению религий неевропейских культур были создававшиеся с середины XIX века этнографические музеи» [Барашков, 2018, 37]. Исследователь Петер Рорбахер о встрече В. Шмидта и папы Пия XI пишет следующее: «Пий XI искал для запланированной в Ватикане миссионерской выставки подходящего научного куратора. И так как Шмидт уже показал свою компетентность в этой сфере, в 1923 году папа поручил ему разработку научного концепта» [Rohrbacher, 2012, 585]. А. Ванденберг отмечает, что эту выставку «можно было рассматривать как начало официального „перекрестного опыления“ между двумя дисциплинами, этнологией и миссиологией. После назначения Шмидта на должность директора миссионерской выставки папа Пий XI обратил внимание на этнологические исследования венского ученого» [Rohrbacher, 2012, 585]. Как следствие, «миссиология становится более этнологической, и, напротив, этнологические исследования В. Шмидта начинают переплетаться с католическими миссионерскими проектами» [Vandenberghе, 2006, 30]. Следует отметить, что до начала Первой мировой войны в католическом мире был лишь один миссионерский центр университетского уровня, а именно курсы и публикации на теологическом факультете Мюнстерского университета. Миссионерские центры, которые основывались теперь, имели более ярко выраженный этнологический, прикладной характер. На выставке в Риме регулярно собирались представители этнологии и миссиологии и вели многочисленные дискуссии.

Религиоведение и этнология получили одинаково пристальное внимание в среде наиболее старых миссионерских центров. Например, в 1923 г. иезуиты в Лёвенском университете организовали «Миссионерские недели». Их целью было обеспечить возможность миссионерам регулярно собираться и систематизировать свой опыт, тем самым приобретая навыки, необходимые в практическом миссионерстве. После проведения выставки в Ватикане эти миссионерские недели приобрели более научный вид. Если взглянуть на имена докладчиков в рамках этих недель, начиная с конца 20-х и в течение 30-х годов XX в., то можно обнаружить среди них всё возрастающее число лингвистов, антропологов и социологов, имеющих университетское образование.

К примеру, «в 1928 году интерес шестых „Миссионерских недель“ в Лёвене сконцентрирован на этнологической теме „Души людей, которых предстоит евангелизировать“. Здесь обсуждалась интеллектуальные способности темнокожих людей, а также то, какова их предрасположенность к усвоению христианских религиозных взглядов» [Vandenberghе, 2006, 33]. Некоторым ученым иезуиты предлагали защищать дипломы по антропологии, и с этой целью их направляли в Сорбонну и в Венский университет. Представители других конгрегаций также использовали подобные практики и уполномочивали своих членов получать специализацию по антропологии на университетском уровне.

Миссиология всё больше начинает опираться на этнологию. В своей деятельности миссионеры апеллировали к этнологическим теориям и использовали этнографические материалы, для того чтобы понять, какую стратегию адаптации необходимо выработать для более плодотворной проповеди христианской веры на фоне верований туземцев. Этнология стремилась в данном случае выявить те составляющие культуры абригенов, которые могли бы служить отправной точкой для их евангелизации. Предпринимались попытки выявить, какие местные обычаи следует поддерживать, а какие выводить из употребления в христианизируемом племени.

Следует особо отметить попытки В. Шмидта активизировать проповедь католичества в Китае. Он указывал на необходимость более глубокого изучения древней китайской культуры для обнаружения лучших путей проповеди христианства среди местного населения. Шмидт с сожалением отмечал, что в этой стране всё еще крайне мало высокопоставленных представителей католического духовенства, которые «могли бы перебросить мосты от католической культуры к богатой древней китайской культуре» [Rivinus, 2013, 219]. Однако на это ему возражал И. Вейг (J. Weig): «Спасение католической религии в Китае идет не сверху, а снизу; не от интеллектуалов, а от широких масс населения, принявших католичество» [Hartwich, Weig, 1980, 161].

Важно отметить, что в процессе взаимодействия этнологии и миссиологии были некоторые ограничения. Это проявлялось в том, что взаимодействие велось скорее с католической, чем с академической этнологией, и поэтому миссиология не имела для себя никакой угрозы. Теоретические воззрения этнолога и религиоведа В. Шмидта, а также его учеников не подвергали сомнению христианские ценности и убеждения. Напротив, их труды содержали в себе основу для апологии религии.

Таким образом, австрийские католические ученые-миссионеры во время понтификата Пия XI оказывали значительное влияние на самого папу и Римскую курию. И здесь наиболее выдающейся была роль именно Вильгельма Шмидта. Благодаря своей близости к папе он оказывал непосредственное влияние на миссионерские конгрегации. Рорбахер отмечает, что еще недавно было неизвестно о том, что В. Шмидта привлекали в качестве консультанта в Верховную Священную Конгрегацию Священной Канцелярии, осуществляющую контроль за сохранением чистоты вероучения Католической Церкви. В данном случае он давал консультации, главным образом, по вопросам отношения к эволюционизму [Rohrbacher, 2012, 610]. И выдвинутый исследователем Ванденберг тезис о том, что Ватикан начал всерьез воспринимать научные наработки этнологии лишь благодаря трудам В. Шмидта, может быть подтвержден еще более уверенно. Главным видом деятельности Шмидта в Ватикане была миссия Церкви, и он при помощи этнологических исследований эту деятельность профессионализировал и придал ей совершенно новое лицо. Интересы В. Шмидта и папы Пия XI к миссионерству и этнологии пересеклись, и это стало хорошей основой для развития самой широкой деятельности и контакта Церкви с наукой.

В заключение данного обзора следует отметить, каким было значение трудов Вильгельма Шмидта для всего католического мира. Поначалу, как мы видели, иерархия Католической Церкви была настроена весьма и весьма скептически в отношении взаимодействия с учеными, ведущими свои исследования на академическом уровне. Однако последовательные и регулярные попытки к сближению, предпринимаемые

В. Шмидтом и его коллегами, способствовали изменению ситуации. Сближение светской и церковной науки помогло изменить в глазах множества ученых образ самой Церкви. Это стало ярким примером того, как Церковь в определенную историческую эпоху входила в сферу светской науки. Этот процесс осуществлялся, в большой степени, силами человека, который принадлежал одновременно и Церкви, и светскому обществу. Был и священником, и исследователем — религиоведом, этнологом, антропологом. Особенно важно более подробное изучение этого опыта сейчас, когда в России Православная Церковь также призывает к активному обмену опытом между церковными и светскими науками.

Источники и литература

1. Calvo (2013) — *Calvo L.* En torno a la «metamorphosis por contacto»: antidarvinismo, etnología y evangelización // *Naturaleza y Laboratorio* / Ed. by Calvo L., Girón A., Puig-Samper. Barcelona, 2013. P. 231–242.
2. Cinnamon (2012) — *Cinnamon J.* Of Fetishism and Totemism: Missionary Ethnology and Academic Social Science in Early-Twentieth-Century Gabon // *The Spiritual in the Secular. Missionaries and Knowledge about Africa* / Ed. by P. Harries, D. Maxwell. Cambridge: William B. Eerdmans Publishing Company, 2012. P. 100–134.
3. Dujardin (2015) — *Dujardin C.* La science des missions revisitée. La missiologie comme projet de modernité et forme contemporaine d'apologétique // *Mission and Science: Missiology Revised, 1850–1940* / Ed. by C. Dujardin, C. Prudhomme. Leuven: Leuven University Press, 2015. P. 23–26.
4. Hartwich (1980) — *Hartwich R. (Hg.), Weig J.* Chronik der Steyler Mission in Tsingtao 1923–1947. Rom, 1980.
5. Rivinus (2013) — *Rivinus K. J.* Wissenschaft im Dienst der Evangelisierung. Der Beitrag der Katholischen Fu-Jen-Universität in Peking // *Transnationale Dimensionen wissenschaftlicher Theologie* / Herausg. von C. Arnold und J. Wischmeyer. Göttingen, 2013. P. 195–236.
6. Rohrbacher (2012) — *Rohrbacher P.* Völkerkunde und Afrikanistik für den Papst: Österreichische Missionsexperten und der Vatikan 1922–1929 // *Römische Historische Mitteilungen*. 2012. Bd. 54. S. 583–610.
7. Schmidt (1919/1920) — *Schmidt P. G.* La Semaine d'Ethnologie religieuse, Cours d'Introduction à la Science comparée des Religions // *Anthropos*. 1919/1920. Bd. 14/15, H. 1./3. (Jan. — Jun.). P. 492–495.
8. Vandenberghe (2006) — *Vandenberghe A.* La recherche ethnologique du père Wilhelm Schmidt SVD et le Vatican (1900–1939) // *Le Fait Missionnaire. Missions et sciences sociales*, 19, décembre. 2006. P. 15–36.
9. Vandenberghe (2015) — *Vandenberghe A.* Beyond Pierre Charles: the Emergence of Belgian Missiology Refined // *Mission and Science: Missiology Revised, 1850–1940* / Ed. by C. Dujardin, C. Prudhomme. Leuven: Leuven University Press, 2015. P. 151–170.
10. Барашков (2018) — *Барашков В. В.* Становление антропологического подхода к изучению религии // *У истоков религиоведения: Из истории зарубежного религиоведения XIX — первой половины XX веков: коллективная монография* / Под. общ. ред. В. В. Барашкова, Д. С. Дамте, С. А. Панина. М.: Ленанд, 2018. С. 32–58.

Priest Anthony Afanasyev. The Experience of the Interaction of Catholic Missiology and Ethnology in the Works of W. Schmidt.

Abstract: This publication examines the gradual change in the attitude of the Roman Catholic Church towards the religious studies of secular scholars in the first half of the 20th century. During this period, many works appeared, in which the ecclesiastical view of the essence

of religion was sharply criticized. At the same time, among Roman Catholic scholars there was a growing interest in the study of non-Christian peoples. Among them, the Austrian religious scholar Priest Wilhelm Schmidt is particularly distinguished for his attempt to defend church positions in the sphere of religious studies. At the same time, he relied not only on biblical evidence, but mainly on data from the actively developing science of ethnography. To W. Schmidt belong a number of initiatives aimed at realizing this idea. At first, Rome was deeply distrustful of the ideas of W. Schmidt, but later the Pope himself became a supporter of an approach where secular and ecclesiastical science enter into fruitful cooperation. It is important to note that, as a Roman Catholic clergyman, W. Schmidt managed to maintain the status of an objective researcher of religious phenomena.

Keywords: ethnology, missions, Roman Catholicism, Religious Studies, Wilhelm Schmidt, Pius XI, anthropos, modernism, monotheism, Evolutionism.

Priest Anthony Mikhaylovich Afanasyev – Master of Theology, Graduate student at St. Petersburg Theological Academy (aanton10b@mail.ru).

Sources and References

1. Barashkov (2018) – Barashkov V.V. Stanovleniye antropologicheskogo podkhoda k izucheniyu religii. *U istokov religiovedeniya: Iz istorii zarubezhnogo religiovedeniya XIX – pervoy poloviny XX vekov: kollektivnaya monografiya* [The formation of an anthropological approach to the study of religion. *At the origins of religious studies: From the history of foreign religious studies of the XIX – first half of the XX century: collective monograph*]. Ed. by V.V. Barashkov, D. S. Damte, S. A. Panin. Moscow: Lenand, 2018, pp. 32–58.

2. Calvo (2013) – Calvo L. En torno a la «metamorphosis por contacto»: antidarvinismo, etnología y evangelización. *Naturaleza y Laboratorio*. Ed. by Calvo L., Girón A., Puig-Samper. Barcelona, 2013, pp. 231–242.

3. Cinnamon (2012) – Cinnamon J. Of Fetishism and Totemism: Missionary Ethnology and Academic Social Science in Early-Twentieth-Century Gabon. *The Spiritual in the Secular. Missionaries and Knowledge about Africa*. Ed. by P. Harries, D. Maxwell. Cambridge: William B. Eerdmans Publishing Company, 2012, pp. 100–134.

4. Dujardin (2015) – Dujardin C. La science des missions revisitée. La missiologie comme projet de modernité et forme contemporaine d'apologétique. *Mission and Science: Missiology Revised, 1850–1940*. Ed. by C. Dujardin, C. Prudhomme. Leuven: Leuven University Press, 2015, pp. 23–26.

5. Hartwich (1980) – Hartwich R. (Hg.), Weig J. *Chronik der Steyler Mission in Tsingtao 1923–1947*. Rom, 1980.

6. Rivinus (2013) – Rivinus K.J. Wissenschaft im Dienst der Evangelisierung. Der Beitrag der Katholischen Fu-Jen-Universität in Peking. *Transnationale Dimensionen wissenschaftlicher Theologie*. Herausg. von C. Arnold und J. Wischmeyer. Göttingen, 2013, pp. 195–236.

7. Rohrbacher (2012) – Rohrbacher P. Völkerkunde und Afrikanistik für den Papst: Österreichische Missionsexperten und der Vatikan 1922–1929. *Römische Historische Mitteilungen*, 2012, bd. 54, ss. 583–610.

8. Schmidt (1919/1920) – Schmidt P.G. La Semaine d'Ethnologie religieuse, Cours d'Introduction à la Science comparée des Religions. *Anthropos*, 1919/1920, bd. 14/15, h. 1./3. (Jan. – Jun.), pp. 492–495.

9. Vandenberghe (2006) – Vandenberghe A. La recherche ethnologique du père Wilhelm Schmidt SVD et le Vatican (1900–1939). *Le Fait Missionnaire. Missions et sciences sociales*, 19, décembre, 2006, pp. 15–36.

10. Vandenberghe (2015) – Vandenberghe A. Beyond Pierre Charles: the Emergence of Belgian Missiology Refined. *Mission and Science: Missiology Revised, 1850–1940*. Ed. by C. Dujardin, C. Prudhomme. Leuven: Leuven University Press, 2015, pp. 151–170.